

К. Абдуллаев

НОВЫЙ ШЕДЕВР ГАНДХАРСКОГО ИСКУССТВА (Статуя принца Сиддхартхи из коллекции Дж. Ортиза)

С 28 февраля по 27 мая 2002 г. В Национальном музее азиатского искусства Гимэ (Париж) проводилась выставка, посвященная искусству Афганистана. На ней были представлены произведения искусства начиная с эпохи бронзы и кончая поздним средневековьем¹. Выставка вызвала большой интерес общественности, тем более что были еще свежи в памяти события, происшедшие не так давно в Афганистане, – варварское уничтожение талибами колоссальных статуй в долине Бамиана.

Большая часть предметов выставки представляла собой новые поступления в частные коллекции – результат кладоискательских раскопок на археологических объектах Афганистана в последние десятилетия; находки, как правило, попадали на антикварные рынки². Другую часть составляли предметы из фондов музея Гимэ – из раскопок Французской археологической делегации в Афганистане (DAFA).

Предметом настоящего сообщения является мраморная статуя, изображающая принца Сиддхартху, из частной коллекции Джорджа Ортиза. Она была найдена при земляных работах в районе аэропорта около города Пешавара (Пакистан) и куплена им³. Статуя принца, привлекавшая всеобщее внимание, была украшением всей выставки. То, что перед нами шедевр гандхарского искусства, – ясно с первого взгляда. Выразительность и безукоризненно отточенная пластика статуи может быть сравнима с произведениями эпохи европейского барокко, и не случайно возникали сомнения по поводу подлинности скульптуры – не является ли она поздней подделкой?

К особенностям стиля мы вернемся ниже, здесь же, забегая вперед, можно отметить, что статуя несомненно выглядит несколько необычной и не совсем вписывается в ряд известных произведений гандхарского искусства.

Изваяна статуя из цельного блока мрамора, высота ее – 58 см, без шиньона – 48 см, шиньон (*уиниша*) изготовлен отдельно (рис. 1). Поверхность тщательно отполирована, мрамор белый, с оттенком слоновой кости.

Сохранность: значительный скол с правой части шиньона, а также утраты прически справа сверху и по обоим бокам, большая трещина вдоль лица. Нос отколот почти полностью, если не считать выемки носовых отверстий и небольшие участки крыльев носа. Значительную поверхность скульптуры покрывает копоть, – по всей вероятности, она побывала в пожаре. Правая часть плеча отколота, а левый бок вертикально срезан. К этой детали, имеющей принципиальное значение, мы вернемся ниже.

¹ Экспозиция сопровождалась изданием каталога: *Afghanistan, une histoire millénaire*. P., 2002.

² Хищнические раскопки на городищах в Афганистане носят массовый характер. Целью раскопщиков являются не только клады, но любые предметы древней истории, которые можно выгодно продать.

³ Слайд с изображением этой статуи был продемонстрирован на симпозиуме в Канзас Сити (США): «On the Cusp of an Era: Art in the Pre-Kushan World. 8–11 November 2000» в докладе О. Бопераччи (*The Contribution of Greeks to Art and Culture of Bactria and India: Numismatic and Archeological Evidence*). Следует отметить, что статуя была опубликована Дж. Бордманом: *Boardman J. The Diffusion of Classical Art in Antiquity*. L., 1994. P. 144–145. Fig. 4, 91.

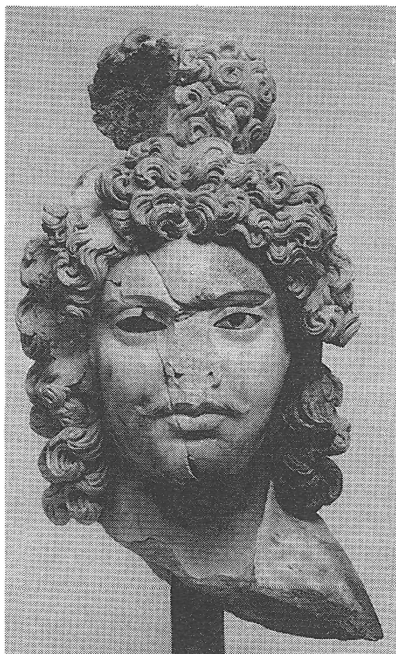

Рис. 1. Голова статуи принца Сиддхартхи

На прическе местами сохранились следы ганча с позолотой. На месте радужной оболочки и зрачка глубокое отверстие, скорее всего они были изготовлены из другого материала (рубина?) и инкрустированы в мрамор. Манера передачи фактуры пышной и густой шевелюры напоминает эллинистическую. Это глубокая выборка фона с высоким рельефом завитков со штриховым рисунком фактуры вьющихся волос. Спереди над лбом симметрично расположены мелкие кудри, выше следуют завитки покрупнее, разделенные как бы по линии прямого пробора. Остальные крупные кудри в форме S-образных удлиненных завитков расположены хаотично, хотя сама форма прически относительно лица сохраняет симметричность. Крупные локоны спускаются на плечи. Гладкий ровный лоб, брови дугообразной формы выполнены тщательно в виде острых краев, образованных выбором надглазной поверхности. Веки также тщательно отделаны, верхние рельефы выдаются не так сильно, глаза открыты, разрез глаз широкий и прямой, взгляд открытый. Веки не такие тяжелые и не опущены, как это можно наблюдать на многих изображениях будд и бодхисатв. Это — немаловажная деталь в иконографии, указывающая на то, что персонаж показан в обычном, нормальном состоянии, а не в отрешенном самосозерцании.

Лицо принца овальной формы, с тонко очерченными пухлыми губами, над верхней губой небольшие усы с закрученными вверх концами. Подбородок мягкий, округлой формы, шея довольно массивная.

В рассматриваемой нами скульптуре влияния традиций греческой пластики весьма ощутимы. Очевидно, мастеру не были чужды достижения эллинистической скульптуры, и он был знаком с ее лучшими образцами. Утонченная манера передачи лица и деталей во многом напоминает произведения поздней классики и эллинистической эпохи: выдержанные пропорции лица, тонко моделированные губы изящного рисунка, очерчивающего края губ, усы, выделенные

ненавязчиво легко, как бы для общей гармонии лица, в отличие от многих образов бодхисатв и будд гандхарской скульптуры, у которых усы длинные и выющиеся. Брови не выделены рельефно ни надбровными дугами, ни рисунком, передающим их фактуру. Их рисунок образован выбором надглазной окраины на фоне гладкой поверхности лба. Не исключено, что брови изначально были выделены и подчеркнуты краской. Подобный пластический прием характерен как для каменной скульптуры Гандхары, так и для буддийских глиняных изображений Северной Бактрии – это демонстрируют многие произведения⁴. Особо следует выделить трактовку глаз. Как уже отмечалось выше, широкий прямой разрез обрамлен веками, которые не подчеркнуты тяжелыми рельефами, как это можно видеть почти на всех изображениях бодхисатв и будд в гандхарском искусстве. Этот иконографический признак, выработанный гандхарскими мастерами ваяния, несет в себе определенную смысловую нагрузку. Приспущенные тяжелые веки придают изображению отрешенность и состояние самосозерцания, состояние, свойственное, как известно, «просветленным», достигшим, согласно буддийской доктрине, определенной степени духовного совершенства. Следует отметить все же, что существуют и редкие скульптурные изображения будд и бодхисатв, где глаза трактованы широко открытыми, смотрящими прямо. Один из таких образцов – голова Будды из Музея Пешавара⁵. Тем не менее подавляющее большинство известных нам образцов скульптуры, изображающих Будду или бодхисатв, подчинены единому канону.

Однако на рассматриваемой нами скульптуре подобное выражение отсутствует. Спокойный прямой взгляд создает впечатление прямого контакта со зрителем. Эта особенность изображения также указывает на связь его с образом принца Сиддхартхи.

Несмотря на яркую индивидуальность стиля, которую можно объяснить лишь тонким мастерством и талантом художника, скульптура все же по некоторым стилистическим признакам сближается с произведениями гандхарской школы. Художественные традиции последней прослеживаются и в рассматриваемом нами изображении принца Сиддхартхи. Обратимся к некоторым образцам гандхарского искусства, элементы которых можно сопоставить со статуей из коллекции Дж. Ортиза.

Близкой ей по своему построению и пластической концепции является статуя Сиддхартхи из Шахри Бахлола (рис. 2), которую рассматривает в своей монографии «Искусство Гандхары» Г.А. Пугаченкова⁶. Фигура обнажена по пояс, ниже она окутана в *паридхану* (*paridhāna*), левое плечо и рука окутаны широким плащом *утарью* (*uttariya*). Близость шахрибахлолской скульптуры и рассматриваемой нами заключается в первую очередь в форме прически. Она такая же пышная, с шиньоном на макушке и крупными завитками, спадающими на плечи. Конечно же, проработка фактуры кудрявых волос может быть различной, хотя S-образные булки имеются на обеих скульптурах. Но на шахрибахлолской они расположены более регулярно, между тем как прическа статуи из коллекции Дж. Ортиза создает впечатление хаотично выющихся завитков, что придает скульптуре большую экспрессию. Лицо на шахрибахлолском образце более круглое и полное, и оно, скорее всего, приближается к канонической иконографии гандхарской скульптуры, выработавшей свой идеал кра-

⁴ Абдуллаев К. Буддийские традиции в пластическом искусстве Северной Бактрии // Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент, 2000. С. 187.

⁵ Tissot F. Gandhara. P., 1985. Fig. 149.

⁶ Пугаченкова Г.А. Искусство Гандхары. М., 1982. Илл. 51.

Рис. 2. Голова статуи принца Сиддхартхи из Шахри Бахлола

соты, между тем как рассматриваемая статуя выполнена в традициях, близких к образцам греческой пластики, и по духу тяготеет к греческим идеалам.

Следует отметить еще одну деталь, сближающую два эти произведения, – это трактовка глаз; конечно же, мы не можем говорить о сходстве пластических приемов, но глаза шахрибахлольской статуи широко открыты и передают то же выражение прямой открытости. Скульптура из Шахри Бахлола в силу своей лучшей сохранности передает образ в полной мере, к тому же с украшениями в виде двойного ожерелья: шейного в виде широкой богато украшенной полоски, напоминающей пектораль, и длинного нагрудного скрученного в сложной оплетке жгута с декоративно оформленными концами. Как уже отмечалось, левое плечо шахрибахлольской фигуры окутано плащом, между тем как правое оголено – признак, характерный для буддийской иконографии. В связи с этим напомним, что фигура Сиддхартхи из коллекции Дж. Ортиза подрезана с левого бока. Срез этот выполнен очень аккуратно и ровно. Эта деталь наводит на мысль, что статуя была изготовлена в технике акролита, т.е. отдельные части скульптуры были выполнены из разных видов камня, а затем соединены воедино. Примеры подобной техники изготовления дают многие памятники Родогуны⁷, которую некоторые исследователи считают изображением Афродиты⁸ (однако не исключено, что нижняя часть статуи была сделана из глины).

Другим памятником гандхарской скульптуры, который имеет определенное сходство со статуей Сиддхартхи из коллекции Дж. Ортиза, является бодхисатва из музея Лахора⁹. Сходство это, хотя и отдаленное, выражено формой при-

⁷ Она же. Искусство Туркменистана. М., 1968. Илл. 18; Пилипко В.Н. Старая Ниса. М., 2001. Рис. 186.

⁸ См. Кошеленко Г.А. Родина парфян. М., 1977. С. 56–98.

⁹ Tissot. Op. cit. Fig. 167.

чески в виде пышной копны кудрявых волос, спадающих на плечи, увенчанной на макушке шиньоном (*ушнйшей*).

Эти две гандхарские скульптуры, выполненные из темного камня, свидетельствуют лишь об одной линии развития гандхарской художественной школы, а между тем гандхарские скульпторы продемонстрировали разнообразие стилей в воплощении одних и тех же образов и сюжетов буддийского искусства. Рассмотренный нами образец – не исключение в этом отношении. Статуя принца Сиддхартхи показывает высокое достижение пластической школы Гандхары, и в то же время это – бесспорный шедевр талантливого мастера-скульптора. Гандхара явилась одной из наиболее благодатных почв, где успешно развивались традиции и достижения эллинистического искусства.

A NEW MASTERPIECE OF GANDHARAN ART
(*A Statue of Prince Siddhartha from the Collection of G. Ortis*)

K. Abdullayev

The article is dedicated to one of recently found works of art from Gandhara, a statue identified as that of Prince Siddhartha. It was found near the town of Peshavar in Pakistan. The author shows its stylistic closeness to a number of other monuments and tries to characterize one of sculptor's workshops of Gandhara.

© 2004 г.

Т. К. Мкртычев

ПО ПОВОДУ ОДНОГО ГАНДХАРСКОГО РЕЛЬЕФА*

За последние годы в российском обществе проявился интерес к коллекционированию произведений древнего буддийского искусства, в частности искусства Гандхары. Мое внимание привлек фрагмент гандхарского горельефа из частной коллекции, который послужил предметом настоящей работы. Эту заметку я посвящаю Б.А. Литвинскому, одному из выдающихся исследователей истории, культуры и археологии Центральной Азии.

Представленный фрагмент многофигурного горельефа вырезан из слоистого серо-зеленого шифера¹, лицевая поверхность которого в последующем шлифовалась (?). На тыльной стороне имеются следы инструмента, которым обрабатывался камень. Высота горельефа – 48 см; ширина – 41 см; толщина –

* Статья написана при финансовой поддержке Германской службы академического обмена (DAAD).

¹ Традиционно считалось, что основным скульптурным материалом Гандхары был шифер; см. Пугаченкова Г.А. Искусство Гандхары. М., 1982. С. 37. В то же время, как показал анализ произведений гандхарской скульптуры, представленных на выставке «The Crossroads of Asia. Transformation in Image and Symbol», в большинстве случаев мастера использовали не шифер (schist), а разновидность филита (phyllite); см. Reedy Ch.L. Technical Studies of Gandharan Art // Gandharan Art in Context East-West Exchanges at the Crossroads of Asia. New Delhi, 1997. P. 274, 277. К сожалению, анализ данного фрагмента не проводился.